

ВСЕДУМСТАВ

ПЕЧАТ

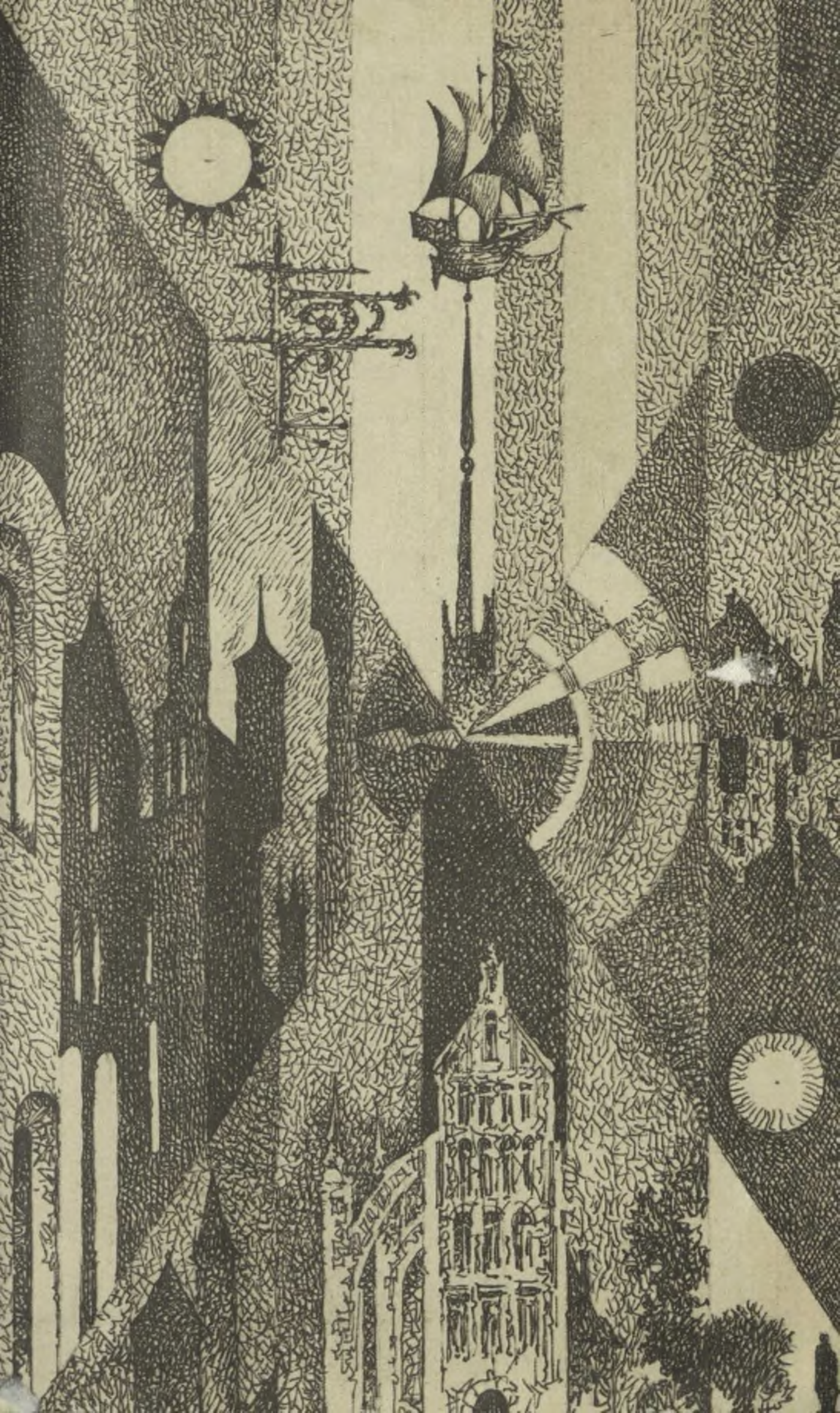
Белый шурин
Майрос
Вильсон

428194

COR. 10
R. H. ...

Владислав Крапивин

**Белый шарик
Матроса
Вильсона**

K84
K78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

Белый шарик Матроса Вильсона

428194

ПОВЕСТИ ИЗ ЦИКЛА
«В ГЛУБИНЕ ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА»
КНИГА ВТОРАЯ

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное
издательство
1993

ББК 84Р7
К78

Художник
Е. И. СТЕРЛИГОВА

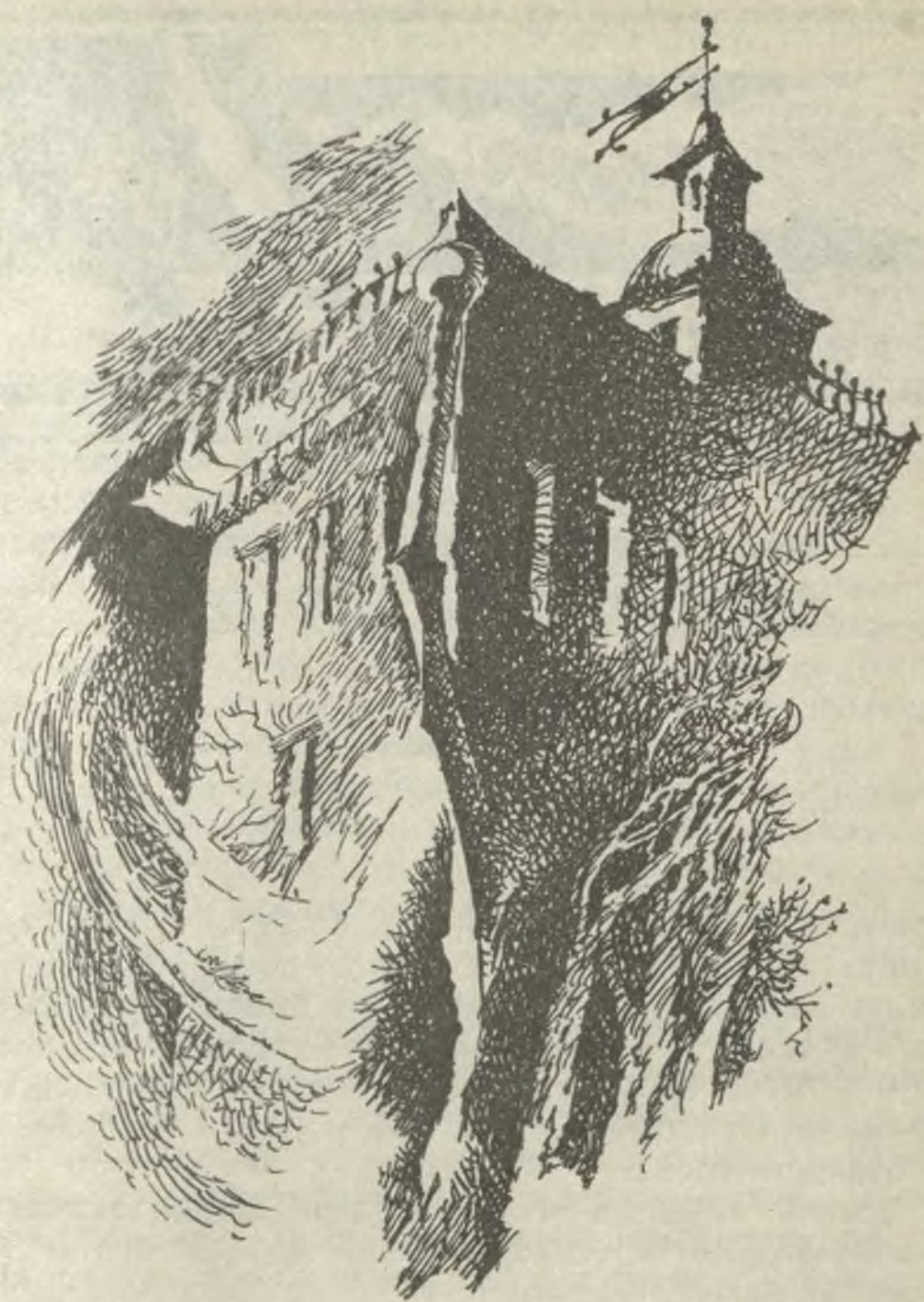
К $\frac{4803010201-002}{M158(03)-93}$ 24-93

ISBN 5—7529—0533—8

© Владислав Крапивин,
1993

© Е. И. Стерлигова,
иллюстрации, 1993

КРИК
ПЕТУХА

Часть 1
ДАЧНАЯ
ЖИЗНЬ ВИТЬКИ МОХОВА

Кригер

1

Первый раз Витька появился в обсерватории «Сфера», когда окончил четвертый класс. Два дня бродил он всюду, раскрыв рот и распахнув глаза. Удивлялся башням, куполам и локаторам, гигантской решетчатой чаше РМП. А еще больше — скалам и дикому шиповнику, густоте окрестного леса, чистоте высокого неба и прозрачности ближнего озера.

На третий день он изложил свое мировосприятие в стихах, которые немедленно были напечатаны в обсерваторской газете «Пятый угол».

Я от счастья чуть не плачу:
Вот приехал я на дачу.
Здравствуй, мой любимый дед,
Здравствуй, мой велосипед!

Буду я на нем кататься,
Буду в озере купаться,
Буду плавать и нырять,
Кверху пузом загорать.

Мне на пузо сядет мошка
И поест меня немножко,
А насытив аппетит,
Снова в небо улетит.

Я обед ей не нарушу,
Мошка тоже хочет кушать.
Я к букашкам всей душой:
Мошки — крошки, я — большой.

Во саду и в огороде
Равновесие в природе.
Ходят куры у куста,
Вот какая красота!

Стихи обрели шумную популярность. Их цитировали по всякому поводу. Толстая лаборантка Вероника Куггель положила их на музыку и пела под гитару. Лишь директор обсерватории Аркадий Ильич Даренский не разделял общего энтузиазма. Во-первых, он вообще смотрел на все явления со здоровой долей скепсиса. Во-вторых, Аркадий Ильич (в силу этой же привычки) углядел в словах «буду я на нем кататься» некоторую двусмысленность. Так ли прост этот внешне симпатичный, но почти незнакомый (и к тому же похожий на отца) десятилетний отпрыск Михаила Мохова?

Кроме того, профессор Даренский придерживался вполне логичного мнения, что специальное научное учреждение закрытого (насколько это возможно в нынешние времена!) профиля отнюдь не должно служить местом дачного отдыха для кого бы то ни было. Пусть это даже родной внук директора обсерватории.

Но, с другой стороны, делать было нечего. Витькина мать активно занималась решением личных проблем. Витькин отец, который числился сотрудником «Сферы», был официально объявлен пребывающим в далекой и длительной командировке, а на самом деле находился неизвестно где. То есть не совсем неизвестно, но... Впрочем, это особый и отдельный разговор... Так или иначе, а, кроме «любимого деда», приютить Витьку на каникулы оказалось некому. Это и заявила Аркадию Ильичу дочь Кларисса:

— Можешь ты хоть раз в жизни позаботиться о единственном внуке?

Аркадий Ильич пытался возражать. Единственному внуку, мол, самое место в летнем лагере, а не в обсерватории среди взрослых и занятых важными делами мужиков и теток... Выяснилось, однако, что внук «малость чокнутый» (видимо, в папочку). В лагерной толпе жизнерадостных и дружных сверстников он сохнет, бледнеет, а по ночам (если верить бдительным воспитательницам)

часто не спит, сидит на подоконнике и смотрит «куда-то в небесные пространства». Так было в прошлом году.

— А в этом он вообще уперся, как упрямая коза: «Не поеду, там скучища!»

В довершение слов Кларисса начала всхлипывать. Профессор Даренский, в работе своей человек твердый и решительный, в семейных коллизиях таких свойств не проявлял. Ну и вот...

Витька оказался вовсе не похожим на замкнутое, одинокое дитя. В обсерватории он со всеми зажил душа в душу. А лучшим его другом сделался младший научный сотрудник Михаил Скицын, по поводу чего дед буркнул: «Рыбак рыбака...»

Замечание деда было не совсем понятным. На Витьку Скицын вовсе не походил. Черный, как головешка, какой-то немного кривобокий, с крупным носом и ехидными, сидящими на разном уровне глазами, он был известен как скандалист и автор сумасбродных идей. Временами оказывалось, что идеи не столь уж сумасбродны, а потому и скандалы объяснимы, но слава оставалась.

В отличие от других Скицын с Витькой не церемонился. То и дело подначивал и критиковал. Так было и со стихами. Скицын заявил, что выражения «обед ей не нарушу» и «насытив аппетит» неграмотные, а в последнем четверостишии — излишняя умиленность. Это было уже просто бессовестно! Ведь кто-кто, а уж Мишенька-то лучше всех должен был ощутить ироничность Витькиных виршей.

— Все понимаешь, а цепляешься!

— Ну ладно... — смягчился Скицын. — А врать все равно не стоило. Какие здесь куры? Один петух...

Витька сказал, что сочинял стихи, а не перепись птичьего двора и куры — это... как его... поэтический образ.

Скицын сморщился, нос его больше обычного отъехал в сторону.

— «Образ»... Такого красавца поменял на каких-то дохлых абстрактных куриц... Такого рыцаря и героя!

Витька глянул подозрительно: нет ли здесь намека? Не видел ли случайно Скицын, каким скандальным было знакомство с пернатым «героем и рыцарем»?

Петуха звали Кригер.

Безусловно, этот горластый красавец был одной из важных достопримечательностей «Сферы». Приезжавшие сюда иностранцы просили показать «господина Кригера» наряду с новейшим четырехмерным телескопом — преобразователем пространства, построенным группой «Кристалл-2».

Не было в обсерватории человека, который относился бы к «господину Кригеру» безразлично. Поклонники петуха восхищались его внешностью. Перья Кригера отливали всеми оттенками меди, латуни и даже червонного золота. Хвост напоминал оранжево-алый плюмаж рыцарского шлема. Крылья были оторочены бархатистотраурной каймой, а тяжелая двойная борода и свисавший на сторону гребень словно состояли из прозрачных икринок, налитых гранатовым соком.

Но, по мнению многих, роскошное оперение Кригера не искупало его коварного нрава. Этот разбойник имел привычку подкрадываться издалека, потом налетать с боевым воплем и клевать ноги, а то и спину. Случалось, что он получал отпор, но и тогда не покидал поле боя, а разбегался и повторял атаку.

Однако даже самые лютые недруги Кригера отдавали должное одному его несомненному качеству — пунктуальности. С точностью до десятых долей секунды это уникальное существо оповещало всех о наступлении астрономического полдня и полночи и так же строго отмечало четырехчасовые отрезки суток.

Без сомнения, Кригер считал «Сферу» своим родовым поместьем. Он появился на свет здесь — вылупился из купленного на рынке яйца в самодельном инкубаторе под коробкой терморегулятора базового гироскопа. Выдумка с инкубатором, естественно, принадлежала Скицynu. И конечно же, Михаил объяснял астрономическую точность Кригера тем, что он родился на осевой линии Кристалла. «А вредность у него от «крестного папы», — не упускал случая добавить Аркадий Ильич Даренский.

В первые дни судьба не сталкивала Витьку и Кригера. Витька слышал петушиные вопли, видел издалека этого медью сверкающего крикуна, однако особо им не интересовался. Кригер Витькой — тоже. Но на четвертый день (уже после стихов в газете) Витька лежал животом на каменном ограждении садового бассейна, беспо-

коил щепкой ленивых декоративных карасиков и вдруг услышал сзади шумный шелест и топанье. Не успел он оглянуться, как в ногу пониже коленного сгиба воткнулось копьё. Или стрела. Витька взвизгнул, кувыркнулся в бассейн, обалдело вскочил по пояс в воде. Кригер — перья и гребень торчком — бил крыльями по ракушечному барьеру. Глядел непримиримо и прицельно.

— Чё надо! — постыдно завопил Витька и в бегстве взбаламутил пятиметровый водоем от края до края. Господин Кригер преодолел то же расстояние на крыльях. Дальше он гнал перепуганного пацаненка по плиточной дороге между двух заросших подпорных стен, и дорога эта привела в предательский тупик. Витька ладонями с размаха уперся в железные ворота гаража, обернулся... Кригер не спешил. Топтался в пяти шагах, подметая крыльями пыль. Готовился. Примерялся... Витька беспомощно съежился и, глядя в петушиный оранжевый глаз, жалобно прошептал:

— Не смей, скотина... Нельзя. Не подходи. Между нами это... стенка. Понял? Стен-ка...

— Ко-о... — презрительно сказал Кригер, шумно разбежался... С отчаянного перепуга Витька мысленно грянул перед собой с неба стену из броневого стекла. И... рыжий бандит шмякнулся о невидимое! Ошеломленно сел на хвост, по-человечьи раскинув растопыренные лапы. Икнул.

«Получилось!» — Витька и возликовал, и даже испугался. До сих пор его опыты с гипнозом и внушением терпели провал.

Кригер встал. Пошатался. Шагнул прочь. Оглянулся. Подумал, наверно: не попробовать ли еще?

— Иди, иди, — сказал Витька. И вообразил сидящую рядом, у ноги, лису — большую, зубастую, с густой апельсиновой шерстью. Так вообразил, что лисья шерсть будто по правде защекотала ему ногу. А Кригер, позабыв о гордости, с воплем ударился в бега.

Витька отдышался, огляделся. Не видел ли кто его недавнего малодушия? Кажется, нет... А то ведь не спасся бы он от ехидно-ласковых расспросов и подначек, несмотря на свою поэтическую славу.

Он вытряс из-под рубашки трепещущего карасика, отнес его в бассейн. Потом занялся «раной»: вывернув ногу и шею, глянул себе под коленку. Была крупная кровавая точка, была припухшая синева вокруг. Все

это рядом с большой, похожей на арбузное семечко родинкой. Может, Кригер и метил в родинку? Принял за жучка или зернышко? «Красивый, а дурень», — подумал Витька уже добродушно, он был человек не злопамятный. У себя в комнате он смазал след от клюва бактерицидкой. Тот быстро подсох, но потом иногда еще побаливал. А на ноге осталось темное пятнышко — будто вторая родинка...

С той поры, встречая Кригера, Витька моментально вспоминал зубастую лису. И мысленно пристраивал ее рядом — как собаку на поводке. Кригер торопливо удалялся. Правда, в этой поспешности уже не было заметной паники. Кригер делал вид, что ему срочно нужно куда-то по важному делу, а мальчишку с лисой он вроде бы и не видит.

Потом лиса сделалась не нужна. Кригер привык обходить Витьку стороной. А если они и оказывались рядом, то смотрели друга на друга без интереса. Словно был между ними молчаливый уговор: сохранять нейтралитет. Скицын, который обожал Кригера, говорил с ноткой разочарования:

— Смотри-ка, не лезет. Чует, чей внук...

Дело в том, что такой же нейтралитет сохранялся между петухом и директором «Сферы». Кригер, видимо, нутром чуял начальство. А профессор Даренский хотя и не любил «рыжего пирата», но терпел.

2

Продолжая рассказ о Кригере, следует отметить еще одно его свойство. Крайнее любопытство. Особенно любил он шумные споры. Когда в круглой комнате дискуссионного центра группа «Кристалл-2» наваливалась (во главе со Скицыным) на своих оппонентов, Кригер устраивался в проеме открытого окна и слушал, склонив гранатовый гребень. Услыхав особо удачный аргумент или крайне запальчивую фразу, Кригер возбужденно переступал шпористыми лапами и довольно говорил: «Ко-о...»

Любил Кригер и перепалки между директором «Сферы» и его другом профессором д'Эспозито, который месяцами жил в обсерватории — прикипел к проблемам Кристалла. Особых разногласий в объяснении принципов Перехода и теории совмещенных пространств у Аркадия

Ильича и Карло д'Эспозито не наблюдалось. Но пылкий старый итальянец был воспитанником иезуитского колледжа, ревностным католиком и все сложности мироздания объяснял изначальной мудростью Творца. Это приводило ярого материалиста Даренского то в горячее негодование, то в состояние холодного ехидства.

Трудно понять, что привлекало Кригера в спорах двух научных светил. Витька, по крайней мере, в них ничего не понимал. И все-таки иногда они (Витька в кресле, в углу дедова кабинета, Кригер на перилах балкона) слушали, как Аркадий Ильич и д'Эспозито у редакторского компьютера препираются по поводу совместной статьи для «Академического вестника».

— Послушай, Карло, а если записать так: «Явление столетней давности, известное под названием «Черемховский эффект» и давшее в наши дни резонанс, адекватный современному фактору типа «эхо», свидетельствует, что...»

— А нельзя более по-русски, если уж писать на этом языке?

— Я не Лев Толстой!

— Это да...

— ...Не Лев Толстой! И кроме того, ученые мужи в Центре иную терминологию все равно не приемлют! Главное — суть! А она в том, что «возникновение резонанса между так называемыми субъективными болевыми точками индивидуума и гипотетическим всеобщим психогенным полем ведет к практически мгновенному изменению пространственно-временной структуры в данном витке Кристалла...».

— «Витке Кристалла!» О Господи... звучит-то до чего дико!

— Не более дико, любезный Карло, чем «о Господи» в устах одного из основателей новой теории пространственно-временных структур...

— Которые, кстати, никоим образом не отрицают участия Творца в их создании и развитии...

— Так и записать? — язвительно спрашивал Аркадий Ильич.

— Это незачем записывать! Это ясно любому разумному человеку!.. А неясно вот что: при чем вообще виток и перестройка структур в «Черемховском эффекте», если там имело место лишь линейное перемещение в одном пространстве?

— А «эхо», возникшее в иных гранях почти через век!

— И тем не менее там действовал принцип тривиального линейного вектора, с Мёбиус-вектором не имеющий ничего общего...

— Карло, я тысячу раз просил! Не смей при мне упоминать о Мёбиус-векторе, этой дикой выдумке авантюриста Мохова. Он еще больший мракобес, чем ты, и... Виктор! А ты что здесь торчишь? Неужели, кроме моего кабинета, нет места, чтобы бездельничать?

— Здесь кресло удобное,— безмятежно отвечал Витька, делая вид, что не слышал упоминания об отце.

— Ступай отсюда...

— Дядя Карло, а вы меня тоже прогоняете, да?

— Не ходи никуда, Витторио! Сиди здесь... Слушай, как твой дед льет мыльную воду с пузырями на своего старого друга! Сейчас он будет бить меня по лысине футляром от меридианного дубль-гироскопа Кларенса...

— Ко-о...— с удовольствием говорил на балконе Кригер.

— Очень нужна мне твоя глупая лысина,— ворчал Аркадий Ильич.— Виктор, марш гулять!

— Шас...— Витька поудобнее усаживался в кресле. Морщась, трогал под коленкой след петушиного клюва. Слегка болело. Но на Кригера он не злился. Сейчас они были вроде как союзники.

Дед отворачивался от Витьки к дисплею.

— За что мне это наказание?.. Кларисса, конечно, поступила мудро, она всегда была практичная девица. А я — плати по векселям...

— Ну, а...— вполголоса говорил д'Эспозито и замолкал.

— Увы...— так же тихо откликался дед.

— Никакой информации?

— Никакой. Даже у Скицына.

— А при чем Скицын? Ведь с ним-то он как раз воевал больше, чем со всеми.

— Ну, знаешь ли... Милые бранятся — только тешатся...

— Гм... А чем он там все-таки занят?

— Ты меня спрашиваешь? Может, он шлет научные отчеты?.. Скорее всего, он ничем не занят. Полагает, что сам факт его перехода есть подтверждение всех его дилетантских теорий...

— «Дилетантских»... Помилуй, Аркадио! Ты же сам понимаешь, что...

— Ничего я не хочу понимать! Авантюризм и наука несовместимы!

Витька равнодушно плевал себе на ногу и растирал по ней следы машинной смазки — она осталась после ремонта старенького, расхлябанного велосипеда «Кондорито», найденного для директорского внука среди обсерваторского утиля. Взрослые, видимо, думали, что он их разговора не понимает, не догадывается, что речь идет об отце.

О том, что случилось с отцом год назад, все говорили уклончиво. Даже Скицын. И все-таки кое-что Витька знал. Михаил Алексеевич Мохов был одним из сотрудников группы «Кристалл-2», резко ушел в исследования в сторону от главной темы и настаивал на практической проверке своих выводов. Ввел понятия пятимерной системы межпространственных координат и Мёбиус-вектора. Все это достаточно ошарашивало всех, кроме младшего научного сотрудника Скицына. Однако и он в чем-то поддерживал Мохова, а в чем-то с ним яростно не соглашался. До крика и хрипоты. Дело осложнялось тем, что у Мохова не было диплома физика. Он кончил биологический и философский факультеты. В теорию межпространственных полей он пришел, можно сказать, самоучкой. Это и дало повод директору «Сферы» обозвать своего зятя в пылу очередного спора дилетантом. После чего Михаил Мохов исчез, оставив письмо. Что в письме — никто, кроме Аркадия Ильича, не знал. Теперь было известно, что научный сотрудник Мохов поселился на окраине Реттерберга и занимается незапланированными экспериментами на свой страх и риск.

Все это было бы еще ничего, если бы не маленькая деталь: ни в одном из самых укромных уголков «Генерального Атласа Земли» город Реттерберг не значился.

Однако об этом факте говорить в обсерватории было не принято. Витька хорошо чуял, что можно, а что нельзя, и лишних вопросов не задавал. Но кажется, он удивился меньше других, когда нежданно-негаданно отец объявился в «Сфере».

Впрочем, открытого удивления не выказал никто. Но все говорили вполголоса и, кажется, ощущали неловкость и виноватость — как в семье, куда вдруг вер-

нулся из далеких нерадостных мест полузабытый и не очень любимый родственник.

Тем не менее сам Михаил Алексеевич смущения не показывал. Суховато раскланивался со встречными. К директору не пошел. Расспросил, где найти сына, и заперся с Витькой в его комнате.

О чем говорили отец с сыном, Витька никому не рассказывал. После беседы старший Мохов исчез — будто растворился. А Витька до вечера ходил один. Пинал на дорожках сосновые шишки, меланхолично и неумело насвистывал. Из деликатности его ни о чем не спрашивали, хотя дед злился, а Скицын млеял от любопытства. Вечером Витька попросился у Скицына к вспомогательному компьютеру четырехмерного преобразователя и до полуночи сидел у стереоэкрана. Там же и уснул — на жесткой пластмассовой кушетке. Скицын, вздыхая, сунул ему под голову свой свитер и накрыл Мохова-младшего снятой с окна портьерой.

Экран остался невыключенным. В глубине его висела странная конфигурация из цветных спиралей и пентаграмм. Конфигурацию косо пересекала голубая линия со знаком Генерального меридиана. Скицын присвистнул и с минуту молча стоял над спящим сыном Михаила Алексеевича.

Через два дня Витька Мохов исчез. Утром он укатил на своем «Кондорито» в сторону озера. К обеду не вернулся. К вечеру тоже. Разумеется, дед переполошился. Да и остальные...

Утешало одно — потонуть Мохов-младший не мог. Раз и навсегда Витька обещал деду и Скицыну не купаться в одиночку, а он был человеком слова. Вариант, что директорский внук свернул шею на горных тропинках, по которым любил носиться на дребезжащем велосипеде, тоже отпал: брошенный «Кондорито» нашли в кустах за водокачкой... Заплутал в окрестном лесу? Но не такой уж этот лес безлюдный...

Витька объявился в сумерки, когда Аркадий Ильич пребывал в состоянии тихой паники и собирался вызывать из Центра патрульные и спасательные вертолеты.

— Что за шум? — сказал Витька пренебрежительно, когда к нему подскочили с расспросами и упреками. — Ну, загулял маленько, не рассчитал время...

Однако, увидев подходившего деда, Витька не стал дальше демонстрировать равнодушие и спокойствие. Быстро забрался на решетчатую пятиметровую мачту бета-ретранслятора и встал на перекладине у отражателя. Дело было на площадке у базовой подстанции, при свете шаровых фонарей. Их белое излучение придавало происходящему излишне драматический и несколько цирковой эффект.

— Марш вниз, с-стервец,— велел Аркадий Ильич.

— Не-а...— сказал Витька с высоты.

— Снять,— металлическим голосом приказал директор. Два аспиранта, мешая друг другу, полезли вверх. Витька, словно канатоходец Тибул в старом фильме, ступил на наклонную проволоку-оттяжку.

— Не смей! — взвизгнул дед.

Но Витька, балансируя, быстро пошел вниз,— оттяжка уходила за кусты сирени. На полпути он закачался на одной ноге.

— Господи Иисусе,— громко выдохнул профессор Даренский.

Витька быстро закончил путь и высунул растрепанную голову из листьев.

— Я устал, а вы тут с облавой... Я кушать хочу изо всех сил. Дядя Карло, скажите им...

— Аркадио, ребенок хочет кушать! — немедленно возвысил голос профессор д'Эспозито.— Как вам не стыдно!

— Дайте мне сюда этого...— потребовал Аркадий Ильич.— Я устрою ему ужин... с помощью тех методов, которые применялись в иезуитском колледже к самым беспутным воспитанникам.

— Там не применялось никаких методов! — возмущенным фальцетом завопил д'Эспозито. Он явно отвлекал огонь на себя.— Это гуманное учреждение! У тебя средневековые представления!

— Ну да! Отцы иезуиты и гуманизм...

— Сравнить иезуитский колледж с орденом иезуитов так же нелепо, как грамматику с граммофоном!

— Ты и есть старый граммофон! Болтун! — окончательно потерял академическую выдержку Аркадий Ильич.— Ты мне портишь ребенка! Ты учишь мальчика не слушаться родного деда! Это и есть твоя христианская мораль?

— Ко-о,— осудил профессора д'Эспозито возникший рядом Кригер. Но тот невозмутимо возразил директору:

— Я защищаю Витторио от твоих иезуитских методов воспитания.

— Синьор д'Эспозито! Отныне я поддерживаю с вами лишь официальные отношения.

— Можешь никаких не поддерживать. Только не кричи «Господи Иисусе», если ты такой ярый материалист...

Собравшаяся научная общественность почтительно внимала полемике двух корифеев. Но при последних словах кто-то неосторожно хихикнул. И профессор Даренский печально сказал итальянцу:

— Иди ты знаешь куда...

Профессор д'Эспозито знал. Но пошел в столовую, где рассчитывал найти Витьку и Скицына. Витька, однако, в это время сидел у Скицына в комнате, лопал из банки холодную тушенку и делал вид, что не замечает любопытно-вопрошающих взглядов Михаила. Наконец тот спросил в упор:

— Ну?

— Что? — Витька пальцем подобрал с колен мясные крошки.

— Значит, был?

— Был.

— Ну и... что?

— Что «что»?

— Вообще,— терпеливо сказал Михаил.— Как там?

— Там-то? Всяко...

Скицын явно подавил в себе желание дать жующему собеседнику подзатыльник. И сказал печально:

— Понятно. Беседовать не хочешь... Видно, там тебе уже объясняли, какой я нехороший.

— Не-е, не объясняли этого... Почти...— Витька рукавом вытер губы, встал. Обошел сидевшего на табурете Михаила. Неторопливо прыгнул ему на спину, обхватил руками и ногами. Пообещал примирительно: — Миш, я все расскажу. Завтра. А сейчас я хочу спа-а-ть...— Он зевнул прямо в ухо Скицыну.

— Обормот,— пробурчал размягший Михаил и понес непутевого приятеля на диван. Стряхнул Витьку с себя, сдернул с его пыльных побитых ног кроссовки. Витька сонно сообщил:

— Здесь переночую.

- Иди умойся хотя бы...
- Не-а... — зевнул Витька.
- Лодырь.
- Ага...
- Ко-о... — сказал с подоконника Кригер.
- Наш петёл везде поспел, — одобрительно заметил Скицын и пояснил: — «Петел» по-старинному «петух».
- Витька опять зевнул:
- Зна-аю... Только не «петёл» а «пéтел»...
- Откуда такая эрудиция?
- От Римского-Заболотова.
- Михаил вопросительно возвел брови.
- Ну, — неохотно пояснил Витька, — того... маминого мужа. Он же специалист по всяким старым языкам... Говорят, он добром не кончит.
- За что ты его так? Сам же говорил — хороший мужик...
- Да я о Кригере, — Витька хихикнул. Вывернув шею, глянул на окно. Створки были распахнуты. Кригер, освещенный лампой, стоял на подоконнике, словно бронзовый. За ним было черное небо и очень яркие звезды.
- Вчера мы разговаривали, я и... папа... — Слово «папа» Витька проговорил с чуть заметной запинкой, но и с легким вызовом. — Ну, и он... Кригер то есть... так же вот сел на подоконник, подслушивает. Папа и говорит: «Эта птица погибнет от собственного любопытства».
- Ко-о, — презрительно сказал Кригер. И канул в ночь. Внизу раздались крики: там, в кустах сирени, видимо, целовались аспирант Боря и толстая лаборантка Вероника Куггель...

3

Пророчество Мохова-старшего исполнилось. Правда, не в те дни, а зимой, когда группа «Кристалл-2» отважилась на первый опытный прокол пространства. До максимальной концентрации энергополя оставалось полминуты, все уже были в укрытии, по бетону экспериментальной площадки мела сухая поземка, вот тут-то и возник неожиданно-негаданно господин Кригер. Прямо между метровыми блестящими пластинами контактов УСП — установки совмещенных полей.

— Убрать идиота! — завопил в бункере руководитель группы Румянцев.— Кыш, скотина!..— Динамики разнесли над «Сферой» этот вопль. Но в тот же миг шарануло разрядом, над площадкой возник и растаял обрывок летнего пейзажа с березками, а красавец Кригер бесследно растворился в небытие.

По мнению большинства (так и записали в протоколе), любопытного «петела» разнесло на атомы. Но скорбевший Скицын утверждал, что силою многомерных полей отважный Кригер перенесен в иные пространства и сейчас обитает в надзвездных мирах. Это не спасло его, Скицына, от нагоняя со стороны Румянцева («Смотреть надо было за своим горлопаном!»), Румянцев же схватил выговор от директора, а сам профессор Даренский имел объяснение с Центром, ибо всеми было однозначно признано, что эксперимент провалился. Нового теперь ждать и ждать, потому что у Центра энергии не допросишься, а свои накопители «дырявы, как ржавые чайники».

Скицын в память о Кригере вырубил из листовой латуни метровую фигуру петуха и прибил ее высоко на кирпичной стене вспомогательной подстанции.

Витька о всех зимних событиях узнал лишь следующим летом, когда вновь осчастливил деда своим появлением. Гибель Кригера Витьку искренне огорчила. Несколько минут он задумчиво стоял у стены с блестящим петушиным силуэтом. В щель между кирпичами воткнул ветку цветущего шиповника.

Да и потом не раз, проходя мимо подстанции, Витька замедлял шаг и смотрел на латунного Кригера со смесью удивления и печали.

...Но что его привело «к петуху» в тот пасмурный день, Витька так никогда и не понял. Случай? Предчувствие какое-то, интуиция? Тревога?

Тревога вообще-то была растворена в воздухе. Вместе с электричеством. С утра было душно, и над зелеными горами собирались обещавшие грозу тучи. Сизый налет от них даже ложился на белые купола обсерваторских башен. Витька малость побаивался грозы, особенно если она заставала его на открытом месте. Но сейчас он стоял на площадке перед стеной с петухом и словно чего-то ждал. Вдали, над поросшими дубняком склонами, глухо грохнуло. Стало совсем сумрачно. Только латунь Кригера светилась, будто отра-

жала невидимый фонарь. Странно это было. Ой, что-то здесь не то...

Витька поддернул свои пятнистые шорты, которые сшила ему из плащ-палаточной ткани Вероника Куггель, потрогал под коленкой «кригерову точку» (осталась навсегда и опять побаливала), почесал ногу о ногу. Этими будничными движениями он хотел прогнать непонятную нервную слабость. И все смотрел на металлического петуха.

Самый длинный зубец петушиного гребня был отогнут от кирпича и светился особенно ярко. Вдруг на нем вспыхнул огонек, похожий на пламя свечи. Вырос, превратился в желто-лиловый мохнатый шарик. Размером — с крупный абрикос. Кажется, он быстро-быстро вертелся.

«Шаровая молния,— ахнул про себя Витька.— А заземления нет...»

В таких случаях лучше не шевелиться. И Витька не двигался. И не отрывал глаз от бледно светящегося шарика. А тот... приподнялся над зубцом и медленно двинулся к Витьке. По линии его взгляда — как по струне.

Витька драпать не стал. Не смог. И даже не зажмурился. Только слабо поднял перед собой левую руку с полусогнутыми пальцами. Так в нехорошем сне защищаются от всяких страхов. Шарик повисел над рукой, отбросил несколько искорок и... медленно сел к Витьке на сгиб указательного пальца.

И — странное дело: ощутив ласковое, как тополиный пух, касание, Витька перестал бояться. Во-первых, он почуял нутром, что это не обычная шаровая молния, а нечто иное. Сгусток неведомых каких-то полей, энергий и сил (здесь, на Генеральном меридиане, может быть всякое). Во-вторых, ему стало ясно, что шарик понимает и чувствует его, Витьку. И не хочет ему плохого. Наоборот, он даже готов слушаться мальчишку, как доверчивая птаха. И он правда послушался, когда Витька попросил его пересест с пальца на оттопыренный локоть... А на суставе, где раньше чернела засохшая болячка, осталось пятнышко чистой, здоровой кожи. Розовой, незагорелой.

«Дела-а», — осторожно обрадовался Витька. И глазами попросил шарик пройтись от локтя до запястья. И шарик прошелся, смазывая царапины, ссадины и ко-